

Василий Петрович Авенариус

Современная идиллия

Бродящие силы

Василий Авенариус

Современная идиллия

«Public Domain»

1865

Авенариус В. П.

Современная идиллия / В. П. Авенариус — «Public Domain»,
1865 — (Бродящие силы)

«Оркестр военной музыки на балконе висбаденского курзала недавно умолк. Толпа гуляющих стала разбредаться. Смеркалось. В занавешенных окнах игорного дома засветились огни. Над прудом, сливавшимся в отдалении с неопределенной, мглистой чащей парка, лениво всползли ночные пары. Померанцевые деревья по берегу пруда рассыпали обильнее свои чистые благоухания. Вот вспыхнули один за другим и фонари перед курзалом и облили своим белым газовым светом несколько пестрых групп, наслаждавшихся, за небольшими, симметрично расставленными столиками прелестью летнего вечера и произведениями курзальской кухни, которыми расторопные кельнеры, шмыгавшие от одного стола к другому, старались наперерыв удовлетворять желающих...»

Содержание

I. За рулеткой	5
II. Аркадский уголок. Две жажды: любви и воды	9
III. Ультрапрогрессист	16
IV. Как заключаются нынче знакомства	20
V. Гисбах освещается. Взаимный дележ	26
VI. О комарах и сновидениях	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Василий Петрович Авенариус

Современная идиллия

I. За рулеткой

Оркестр военной музыки на балконе висбаденского курзала недавно умолк. Толпа гуляющих стала разбредаться. Смеркалось. В занавешенных окнах игорного дома засветились огни. Над прудом, сливавшимся в отдалении с неопределенной, мгlistой чащей парка, лениво всползали ночные пары. Померанцевые деревья по берегу пруда рассыпали обильнее свои чистые благоухания. Вот вспыхнули один за другим и фонари перед курзалом и облили своим белым газовым светом несколько пестрых групп, наслаждавшихся, за небольшими, симметрично расставленными столиками прелестью летнего вечера и произведениями курзальской кухни, которыми расторопные кельнеры, шмыгавшие от одного стола к другому, старались наперерыв удовлетворять желающих.

– Мамаша-голубушка, пустите! – раздался за одним из столов свежий, звонкий голос.

Вкруг этого стола сидели четыре особы женского пола: одна пожилая, три молодые. Девушке, произнесшей приведенные слова, было лет не более пятнадцати. Черты ее, еще неопределившиеся, но необыкновенно миловидные, дышали детской доверчивостью. Темно-каштановые волосы ее были выстрижены в кружок, как у мальчика, вероятно, в подражание старшей сестрице, еще короче остриженной; что они были сестры – говорило их близкое семейное сходство. Но если младшая походила на мальчика, то старшая, с ее бледным лицом, выразительными, серьезными глазами, сильно смахивала на молодого студента, только что сдавшего свой приемный экзамен и считающего себя потому несколькими головами выше «непосвященной черни». Одеты они были обе просто, в платья темных цветов. Тем резче отличалась от них изысканностью и пестротой наряда третья девица, весьма недурная, маленькая, подвижная, шестнадцатилетняя брюнетка. Густые, смоляные кудри ее, бойко зачесанные на один бок, сплетались на затылке, как бы нехотя, под сетку и выползали оттуда там и сям резвыми змейками. Пожилая дама, наконец, мать двух сестер, глядела кровной аристократкой.

– Нельзя, Наденька, – отвечала последняя решительно на просьбу младшей дочери, – неприлично.

Старшая дочь усмехнулась.

– Неприлично? Если вы, маменька, боитесь, что кто увидит, так ведь завтра же нас уже не будет здесь. Отчего не доставить удовольствия детям?

– Mais elles joueront...¹

– Oh, non, ma tante, – вмешалась живая брюнетка, – nous observons seulement, nous ne jouerons pas.²

– Vraiment? Eh bien, allez.³

Отроковицы весело вскочили со своих стульев.

– Ты, Лиза, не пойдешь с нами? – отнеслась к сестре Наденька.

– Нет. Но, Моничка, ты старше ее, пожалуйста, следи за ней, чтоб она не играла.

– Будь покойна! – засмеялась в ответ брюнетка, увлекая подругу к центральным дверям игорного дома.

¹ Но они будут играть... (фр.)

² О нет, тетя, мы только наблюдаем, не играем (фр.)

³ Действительно? Ну, идите (фр.)

Миновав огромную залу с колоннами, в которой по временам даются общественные балы, и поворотив налево, девушки проникли в самый храм азарта. Благоговение внушающе торжественностью повеяло на них оттуда. Стены, обитые красным сукном, увешанные роскошными зеркалами, раздвинулись, казалось, в стороны, чтоб дать место длинному, зеленому столу, усыпанному металлическими деньгами и окруженному густою толпою играющих. Лица, одни огненно-красные, другие смертельно-бледные, дышали отталкивающею алчностью. Черты спокойные, с обыкновенным выражением, составляли исключение.

Среди сдержанного шепота (громко в игорных залах говорить воспрещено) раздавалось бряцание монет, кружение рулетки, занимающей средину стола, скакание шарика и бесстрастный голос главного крупье:

– Faites votre jeu, messieurs! Le jeu est fait, rien ne va plus!⁴

Шарик успокаивался в одной из клеток рулетки.

– Dix-sept, noir, impair et manque!⁵

Цвета лиц изменялись, бормотались проклятия, слышались сдержанные возгласы дикой радости. Крупье своими деревянными грабельками сгребали с неимоверным проворством со всего стола большую часть денег; к немногим выигравшим ставкам они бросали с тою же ловкостью соответственные суммы. Опять раздавался бесстрастный голос: «Faites votre jeu, messieurs», опять звякали деньги и прыгал шарик. Подобные же звуки доносились из смежных зал.

Пугливо подошли наши девушки к столу и с видимым интересом стали наблюдать за игрой; глазки у них разгорелись.

– Разве рискнуть? – спросила шепотом Моничка.

– Мы обещались не играть.

– Мало ли что! То нас ведь не пустили бы.

– Но, кажется, меньше гульдена нельзя ставить?

– Так неужели у меня нет гульдена? Я поставлю.

Она торопливо достала маленькое портмоне, оглянулась по сторонам: кажется, никто не видит – и швырнула на стол новенький, блестящий гульден. Монета покатилась и остановилась на краю стола. Ближний крупье поднял ее и осмотрелся на окружающих.

– Куда же его поставить?

Барышни переглянулись и, застыдившись, спрятались за соседей. Один из этих последних, сутуловатый, мрачный немец, выручил их из беды:

– Поставьте на rouge, – сказал он крупье. Рулетка завертелась – вышло rouge. Куш Монички удвоился. Рдея от удовольствия, потянулась она за ним. Но в то же время протянулась за выигрышем и чужая рука – рука услужливого соседа.

– Да гульден был мой... – осмелилась протестовать девушка.

– Нет, мой! – отвечал тот решительно и завладел спорной ставкой.

Бедная ограбленная смутилась и ретировалась к подруге.

– Да ведь он был же твой? – заметила та с изумлением и негодованием.

– Мой, разумеется!

– Как же он, противный, смел взять?

Они не подозревали, что сосед их *должен* был взять, что то была его профессия: он принадлежал к известной категории туземных пролетариев, существующих исключительно на счет банка и играющих: никогда ничего не ставя, они стараются улучшить минуту, чтоб воспользоваться чужим выигрышем. Во избежание ссоры, им обыкновенно его и уступают; если же нет,

⁴ Делайте ставки, господа! Ставки сделаны, больше никто не ходит (*фр.*)

⁵ Семнадцать, черный, нечетный и пропускается (*фр.*)

то крупье, чтоб не замедлять игры, выплачивает куш обоим, приглашая затем и того, и другого оставить комнату.

Настоящая воровская попытка, однако, не удалась. Тут же, за столом, сидел молодой человек, несколько худощавый, бледный, но собой благообразный, с небольшими усиками. Склонившись головою на левую руку и запустив пальцы глубоко в свои густые, белокурые волосы, он правой рукою, посредством грабельки, передвигал небольшие кучки денег с одного поля на другое. Счастье ему заметно неблагоприятствовало: порядочная горка гульденов, еще недавно красовавшихся перед ним, исчезала с чародейной быстротою. Лицо играющего разгорелось, рука затрепетала: им овладела игорная лихорадка. Тут заговорили за ним по-русски; он, видно, понимал этот язык, потому что оглянулся – за ним стояли наши две подруги. Занятый игрой, он уже не пропускал ни одного слова их, и когда вороватый немец завладел спорным гульденом, то молодой человек остановил его за руку:

– Не трогать! Гульден принадлежит этой девице, я свидетель.

Хищник вздумал оправдываться, но тут нашлись и другие лица, видевшие, что он ничего не ставил. Деньги были возвращены по принадлежности – Монишке. Изобличенного мошенника вывели из комнаты.

Девушки отошли в сторону.

– Уйдем! – заторопила Наденька. – Нас уже заметили.

– Заметили – значит, дела не поправить: можно оставаться.

– Право, *ma chère*⁶, совестно...

– Ничего, последний разик...

Она повлекла Наденьку к противоположному концу стола и, смелее прежнего, собственноручно положила гульден на красное поле. Увы! Фортуна уже изменила – вышло *poir*⁷. Новые совещания и новый проигранный гульден – уже кровный.

– Надо воротить его...

Опять *poir* и – опять! В портмоне не оказалось уже целого гульдена. Само собою раскрылось другое, такое же маленькое портмоне, через зеленое сукно прогулялось еще несколько гульденов – пока не иссяк и этот источник. Тогда бедные жертвы, безмолвные, смущенные, исчезли незаметно из обители коварных демонов азарта.

Мы сказали – незаметно; но не совсем: молодой русский, уличивший грабителя, вскочил со стула, сгреб в карман остаток своих денег и поспешил за барышнями. В саду они подошли к двум старшим дамам; после короткого разговора все четыре направились к выходу. Молодой человек следовал в приличном отдалении. Миновав гостинный двор, они взяли налево, по главной улице, и тут поднялись на крыльцо высокого дома. Молодой человек взглянул кверху: между вторым и третьим этажами красовалась колоссальная вывеска: «*Vier Jahreszeiten*»⁸. Обождав, пока дамы скрылись за дверьми гостиницы, он вошел вслед за ними. Его встретил кельнер. Молодой человек опустил ему в руку гульден. Кельнер почтительно поклонился:

– Чего изволите?

– Кто эти дамы, что вошли сейчас передо мною?

– Какой национальности, хотите вы знать?

– Да.

– Они русские: мать, две дочери да племянница.

– А фамилия?

– Липецкие.

– Давно они у вас?

⁶ моя дорогая (*фр.*)

⁷ черное (*фр.*)

⁸ «Четыре времени года» (*нем.*)

– С неделю. Одна из барышень, что постарше-то, пользовалась здесь серною водою, да доктора присоветовали ей пить сыворотки, ну, и завтрашнего же дня они собираются в Швейцарию.

– В Швейцарию? Не знаете, куда именно?

– Кажется, в Интерлакен.

– Так.

Молодой человек повернулся на каблуке и задумчиво спустился с лестницы. Поворотив за угол, он в одной из смежных улиц вошел в тесную, темную прихожую небольшого одноэтажного домика, ощупал дверь и постучался.

– Herein!⁹ – послышался изнутри густой мужской голос.

Молодой человек вошел в комнату, освещенную матовою лампой. На кровати, с книгою в руках, лежал, с приподнятыми на стену, скрещенными ногами, молодой мужчина, с флегматическим, умным лицом; полная русая борода делала его старше, чем он был на самом деле. Не повертывая головы, спросил он вошедшего:

– Ты, Ластов?

– Собственноручно.

– Удалось, наконец, продуться?

– Удалось. Послушай, Змеин: ведь работы твои в лаборатории Фрезениуса приближаются к концу?

– Даже кончились нынче.

– А! Значит завтра же можно в Швейцарию? Змеин с удивлением обернулся к приятелю.

– Сам же ты просил повременить? Или уже не надеешься взорвать банк?

– Не надеюсь. Madame Schmidt!

В соседней комнате задвигали стулом, и в дверях показалось добродушное лицо старухи.

– Вы звали меня, lieber Herr?

– Звал. Мы улепетываем завтра.

– Как? Уже завтра?

– Увы! Sch eiden thut weh! Aber was thun? – sprach Zeus¹⁰. Сделайте-ка расчетец, что мы вам задолжали.

⁹ Войдите! (нем.)

¹⁰ Расставание болезненно! Но что делать? – говорит Зевс (нем.)

II. Аркадский уголок. Две жажды: любви и воды

Если некоторыми сентименталистами изъясляется сожаление, что миновал золотой век молочных и медовых рек, что нет уже Аркадии, то весьма неосновательно: Швейцария – этот обетованный край; в ней не только потребляется непомерное количество молока и меда, но и самая природа, дикая и прекрасная, располагает лишь к аркадскому времяпрепровождению. В наиболее романтической местности Швейцарии – в Berner Oberland, около уютного Интерлакена, сгруппировался целый букет аркадских уголков, и один из благовоннейших цветов этого букета – Гисбах.

Застенчиво, как красная девица, не нуждающаяся в похвалах молодой красе своей, скрывается Гисбах от нескромных взглядов в своем таинственном царстве, так что, подъезжая к нему на пароходе по Бриенцскому озеру, вы только угадываете его близость – по глухому хлопкотанию падающих в озеро вод. В непосредственной близости вы различаете нижнюю часть его – пенистую массу, вырывающуюся из-под вековых хвойных деревьев. Взираясь же вверх по обрывистому краю водопада, вы внезапно выходите на свет, в цветущую горную котловину, в собственную, сокровенную область Гисбаха и, как очарованный, не видите и не слышите вначале ничего, кроме самого водопада. С высоты более тысячи футов низвергается он с западного склона котловины почти стремглав. В нескольких местах небольшие уступы скал удерживают его буйный порыв; но, как бы негодуя на такое замедление, он с неистовым, глухим ревом разбрасывает по сторонам клубы серебристой пыли и, переведя таким образом дыхание, бросается еще с большею энергией в следующую пропасть. Сверху донизу одна непрерывная лента белоснежной пены, окаймляется он темно-зеленою стеною лесных гигантов. Там и сям легкие деревянные мостики, как шаловливые дети, осмелились перескочить бурный поток, но, оглушенные окружающим грохотом, так и замерли в воздухе и повисли над стремительною бездной.

Укрепили вы себе музыкаю вод духовные силы, сделайте несколько шагов – и обретете две обители, где за известное число франков можете восстановить и своего физического человека: в углу котловины возвышается многоэтажная, обширная гостиница «Hotel Giesbach», а против самого водопада несколько меньшее здание, прежний отель «Гисбах», составляющий ныне лишь род прибавления к главному отелю.

Для любителей искусственных развлечений есть, наконец, и театральные эффекты: по вечерам весь Гисбах освещается бенгальскими огнями.

Был тихий, солнечный вечер, с неделю после описанного в предыдущей главе случая. Гисбах начал уже облекаться в тень; только вершины окружающих деревьев и верхний мостик не жились еще в золотых лучах уходящего светила. В окружающем воздухе разливалась отрадная, освежительная сырость, никогда, даже в знойный полдень, не покидающая окрестности водопада.

По левому берегу Гисбаха, по крутой, извилистой тропинке, то углублявшейся в чащу, то выбегавшей к самой воде, поднимались два путника – оба в легком, дорожном платье, с сумочкой через одно плечо, со сложенным пледом через другое. Один размахивал под такт распеваемой им песни тростью, туземное происхождение которой изобличалось красиво изогнутым рогом серны, служившим ей набалдашником. Другой, пыхтя, упирался на коренастый зонтик, какой советует путешественникам иметь при себе красный Бедкер. То были наши два приятеля: Ластов и Змеин.

Они остановились. Гисбах в этом месте низвергается с перевесившейся утесистой глыбы, так что между водой и утесом образуется небольшой грот, огороженный к воде перилами. Осторожно спустились туда молодые люди, скользя на сырых помостках. Гул катившихся через

головы их вод был оглушителен; казалось, гора дрожала в своих основаниях и каждую минуту грозила обрушиться на смельчаков.

– Как здесь хорошо! – заметил Ластов, и шумом вод почти заглушало слова его. – Я люблю сильные ощущения. Если б не было тут перил, свидетельствующих о частом посещении этого места, можно было бы даже струсить.

Змеин не считал нужным отвечать.

– А вид-то каков? – продолжал Ластов. – Точно сквозь вуаль.

– Вуаль? Ну, так что ж? Везде тебе мерещатся принадлежности женского туалета. Не знаю, право, с чего на меня-то нашла эта дурь? С какой радости я поднимаюсь на горы?

– Для наслаждения природой.

– Природой? Сказал, брат! Что ты называешь природой? Клочок водицы да землицы, который увидишь с вышины? Кринку козьего молока? Как подумаю о нем, так делается уж скверно! Все это есть и в долинах. К чему же, скажи ты мне, взлезать на головоломные вершины?

– Да хоть затем, наконец, чтобы укрепиться физически.

– Вот это так, тебе такое укрепление действительно необходимо. Посмотри, как экзамены обработали твою физику: точно заяц ободранный, ей-Богу. Ни одна Schwizermad'l не полюбит тебя.

– Э, не бойся! – засмеялся Ластов. – Девушки любят исхудалых, бледных; говорят: интересно. Но вот горе: если теперь скала обрушится на нас, то им, в самом деле, не придется полюбить меня.

– Зато оплатут.

– Кто оплатет?

– Мало ли кто. Обрушится скала – вода снесет тебя вниз, там найдут твой труп, по паспорту узнают фамилию и звание, воздвигнут крест с приличною надписью, и сентиментальные посетительницы Гисбаха будут проливать горькие (respective соленые) слезы над прахом бедного, влюбчивого поэта, с которым погибла верная надежда на жениха.

– Да ты, Змеин, разве никогда не думаешь жениться?

– Не знаю; не на ком! Но тут сыро, как раз насморк схватишь. Выйдем.

– Выйдем.

Приятель поднялся из подводного грота на правый берег водопада, и тут, по взаимному соглашению, расположились в траве, подложив себе под головы пледы. Змеин закурил с видимым удовольствием сигару и забавлялся пусканием дымных кружков. Ластов уставился задумчиво в клочотававший под ногами их каскад.

– Ты, Змеин, – проговорил он после небольшого молчания, – отзываешься всегда с таким презрением о женщинах. Неужели ты никогда не любил?

– Не влюблялся, хочешь ты сказать?

– Ну да.

– Случилось как-то раз, надо сознаться, но давно, когда был еще гимназистом третьего класса. Я читал в то время много романов, так под влиянием их представил себе, что обожаю одну девушку, которая, сказать мимоходом, была ровно пятью годами старше меня.

– И ты думаешь, что никогда более не влюбишься? Недостойно разумного человека, а?

– Пожалуй, что и так.

– Ну, а я неразумен. Стоит мне только очутиться в обществе хорошенькой, умной девушки – и я уже как сам не свой:

И как-то весело,
И хочется плакать,
И так на шею бы

К ней я кинулся!

– Да какая ж это любовь? Это просто в тебе кровь разыгрывается, как во всяком молодом животном. К тому же теперь «Весна, весна, пора любви», как сказал один из вашей братьи поэтов.

– Нет, Змеин, ты не понимаешь меня. Животная природа моя не играет тут ни малейшей роли; в присутствии молоденькой девушки мои помыслы чисты, как... как вот эта вода, этот ландшафт перед нами. Я люблюсь только ее наивностью и застенчивостью, ее миловидностью и свежестью, но так же спокойно, как какую-нибудь прекрасной статуей.

– И животная природа твоя ни гугу? Молчит?

– Гробовым молчанием.

– Ну, уж не поверю. Взгляни-ка на меня: ведь я недурен, а?

– Так себе. Тебя особенно красит борода твоя.

– И ведь неглуп?

– Нет, нельзя сказать.

– Достойный, кажись, предмет для любви? Что ж ты, с которым я так дружен, который, следовательно, знает, что и характер мой не из самых-то скверных, не влюбишься в меня? – Что за дичь!

– Дичь твоего же сочинения. Ты ответь мне на вопрос: почему бы тебе не влюбиться в меня?

– Разумеется, потому что ты мужчина.

– А! Так предмет твоей любви должен быть непременно женщина, хотя бы она и не была так хороша, так умна, как я, например. Стало быть, ты влюбляешься в женщину только потому, что сознаешь, что она существо диаметрально тебе противоположное, что ты положительный полюс, она – отрицательный, а разные полюсы, известное дело, стремятся соединиться, дополнить друг друга. Это стремление совершенно безотчетно, как всякая животная потребность, как голод и жажда.

Ластов тихо засмеялся.

– Что ты смеешься? Разве неправда?

– Ты и не подозреваешь, душа моя, что попал сюда, в Швейцарию, вследствие той же любовной жажды, что притянул тебя сюда отрицательный полюс.

– Как так? Магнитные свойства мои в настоящее время, как в куске железа, безразличны.

– Но ты забываешь, что от прикосновения магнита и в железе возбуждается магнетизм. В настоящем случае этим магнитом послужил я.

Ластов рассказал приятелю о своей висбаденской встрече.

– Так вот что! – заметил Змеин. – А я не мог объяснить себе, что тебе так приспичило ехать в ту же минуту в Интерлакен. Но неужели ты успел уже влюбиться? Раз всего видел, да и то мельком, не сказал ни слова.

– Нет, я еще не влюблен, не знаю даже еще, которая из двух мне более нравится, но мне хотелось бы очень влюбиться, я жажду любви.

– Ты, конечно, сочинил стихи по этому случаю?

– А ты почему знаешь?

– Да ведь ваша братья, поэты, рады всякому случаю излить свои чувствования. Ну что ж, буду великодушен, прочту, дай-ка их сюда.

– Да я и не предлагал тебе.

– Будто не видно по твоему лицу, как ты рад. Ведь не скоро, пожалуй, представится новый случай блеснуть своим талантом, пользуйся.

Ластов вынул, как бы нехотя, небольшую карманную книжку и, отыскав что требовалось, подал ее другу.

- Я хочу только, чтобы ты понял мои чувства.
– Ну да, конечно. А если пощекотят авторское самолюбие – ведь тоже, признайся, приятно?
– Признаюсь: не без приятности.
Змеин взял книжку, повернул страницу, другую, и довольная улыбка пробежала по лицу его.
– Пододвиньтесь-ка сюда, синьор, надо вас по головке погладить.
– За что такая милость?
– Ты хоть поэт, да здравомыслящ и практичен, как мы, грешные, не избранные: тут у тебя вперемешку – и стихи, и дорожные счета – за это люблю. Итак:

Бывают странные мгновенья,
Когда душа полна стремленья —
К чему? Неясно ей самой...

Действительно, странные мгновенья. Душе твоей бывает, значит, что-нибудь ясно? Она у тебя мыслит?

Но в жилах кровь играет чудно,
Дышать невыразимо трудно,
И сам не властен над собой...

Грустное положение, признаюсь: не властен над собой!

Под обаяньем смутной грезы,
Из глаз невольно каплют слезы...

Змеин прервал чтение и с удивлением посмотрел на друга.

- Вот как? Ты плакал?
– Нет не то чтобы... а близко было... – замялся тот, опуская глаза и краснея.
– Не ожидал от тебя, признаться, не ожидал. Где ж я, бишь, остановился? Да:

...слезы,
Ланиты млеют и горят —

Чтец сверился с раскрасневшимся лицом автора.

– Со справкой верно.
И, позабыв пору ненастья,
Всем людям ты желаешь счастья,
Весь свет к груди прижать бы рад.

Ну, это неудобоисполнимая гипербола: совсем бы тебя разодрало.

Душа томиться перестала —

Противоречие, мой друг: «Под обаяньем смутной грезы, льются слезы», а «душа, говорит, томиться перестала»; тут-то именно и томление, охи да вздохи.

- Ну, полно тебе придирааться! Читай дальше.

– Значит, все же «томиться перестала»? Так и быть, из дружбы допустим.

Осуществленье идеала
В дали предвидит наконец;
Растет в ней чувство, крепнет, зреет,
И бедная поверить смеет,
Что есть созвучие сердец.

«Что есть созвучие сердец!» – повторил критик нараспев. – Ничего себе, гладко. Только душе твоей, я думаю, нечего догадываться, что есть созвучие сердец: твои бывшие студенческие интрижки достаточно, кажись, свидетельствуют, как глубоко ею понято это созвучие. «Созвучие сердец»! Ведь выдумают же этакую штуку! Ох, вы поэты! – Да чем же эта метафора нехороша? Я, напротив, очень доволен ею. Поддай-ка мне лучше тетрадку. Ты, Змеин, добрый малый, но поэзии в тебе, извини, ни капли нет. – Или я не слышу капли ее в море прозы. Не гомеопат – что ж делать!

Только пчела узнаёт в цветке затаенную сладость,
Только художник на всем чует прекрасного след! —

продекламировал с шутливым пафосом поэт.
– Вечно ты со своим Майковым!
– С Майковым? Не смеши. Ты разве читал когда Майкова?
– Да будто это не из Майкова? – начинается еще:

Урну с водой уронив...
Ластов расхохотался.

– Совсем, брат, осрамился: мой стих был из Фета, твой – из Пушкина. Однако от этих толков в горле у меня сушая Сахара. Следовало бы сходить в отель, испить рейнвейну, да лень. Попробуем гисбахских волн.

Вскочив на ноги, он стал спускаться по окраине утеса к водопаду.

– Разобьешься, – предостерег сверху товарищ.

Благополучно добравшись до середины скалы, Ластов сделал отважный прыжок и очутился на маленькой гранитной площадке, непосредственно омываемой набегающими волнами водоворота, образовавшегося в углублении скалы. Молодой человек опустился на колени, положил шляпу возле себя, перевесился всем телом над водоворотом и, опустив голову к поверхности воды, приложился к ней губами. Вдруг взоры его, устремленные бессознательно на гранитный обрыв, приковались к расщелине утеса, откуда выглядывал какой-то светлый камушек; Ластов живо приподнялся и выломал его из гнезда. То была раковина, облепленная кругом глиной. Отколов глину, Ластов достал из жилета маленькую складную лупу.

– Любопытное приобретение, Змеин, – заметил он, разглядывая раковину. – Как бы ты думал: *orthis*! Да, *orthis calligramma*; спрашивается, как она сюда попала, на Гисбах? Этот вид *orthis* встречается, сколько помнится, только в силурийской формации, а силурийской не водится в Швейцарии. Надо будет справиться в Мурчисоне.

– Спрячь-ка свою *orthis* покуда в карман, – сказал Змеин. – Силурийская формация изобилует серой ваккой, а здесь вакки и следа нет; значит, что-нибудь да не так. Но Мурчисон сам по себе, и гуманность сама по себе: ты утолил свою жажду да и не думаешь обо мне. На, зачерпни.

Он хотел бросить Ластову шляпу. Тот уже наклонился к воде.

– Я в свою. Ты не брезгаешь?

– Еще бы! *Naturalia non sunt turpia*¹¹. Ты ведь не помадишься?

– Изредка.

– Так выполосни.

Ластов последовал совету и зачерпнул шляпу до краев.

– *Nehmt hin die Welt! Rief Zeus von seinen Hohen*¹².

Чтоб было вкусней, вообрази себя героем известной немецкой баллады: ты – смертельно раненный рыцарь, томящийся в предсмертных муках невыносимой жажды; я – твой верный щитоносец, Кпарре, также тяжело раненный, но из бесконечной преданности к i своему господину доползший до ближнего студеного ключа и возвращающийся теперь с полным шлемом живительной влаги.

– Воображаю. Только не мучь, пожалуйста, своего рыцаря, давай скорей... Эх, брат, ну как же можно! А все твоя баллада.

Изнывающему рыцарю не пришлось на этот раз утолить свою жажду; до краев наполненный шлем, размокнув от живительной влаги, поддался с одного конца давлению ее, и холодная струя плеснула в лицо оруженосца. Выпустив импровизированную чашу из рук, испуганный Кпарре отпрянул мгновенно в сторону. Но с присутствием духа, подобающим его высокому званию, рыцарь не выпустил шлема из искаженных предсмертной мукою пальцев; удрученный тяжестью заключенной в нем влаги, шлем опрокинулся, и освежительный напиток расплескался по обрыву.

– *Vanitas, vanitatum vanitas*¹³! – вздохнул рыцарь, качая перед собою в воздухе печально свесившуюся чашу.

– Ха, ха, ха! – заливался щитоносец, вытирая рукавом лицо. – Брось ее сюда; так и быть, налью снова.

– Нет уж, спасибо, в танталы я еще не записался.

Он вынул часы.

– Половина седьмого... Спустимся-ка в гостиницу, там рейнвейн, надеюсь, будет посущественнее твоих гисбахских волн.

Вскарабкавшись на площадку, Ластов взял свою насквозь измокшую шляпу из рук приятеля, выжал ее и накрылся ей.

– Брр... какая холодная! – проговорил он, морщась. – «Что ж ты спишь, мужичок?» Зовет с собой, а сам ни с места. Давай лапу. «Встань, проснись, подымись...» Фу, какой тяжелый!

Покраснев от напряжения, поэт успел, однако же, приподнять товарища настолько, что тот сам встал на ноги. Перебросив через плечи пледы, молодые люди начали спускаться по тропинке. С озера донеслись звуки звонка.

– Вот и пароход из Интерлакена, – сказал Ластов. – Ты, конечно, отправляешься утолить свою жажду? Я пойду встречать интерлакенцев, может, найдется кто русский. В Интерлакене, говорят, всегда много наших. Закажи, пожалуйста, и для меня порцию бифштекса да бутылку рейнвейну.

– Какого тебе? Иоганисбергера?

– Нет, либфрауенмилх, все, что находится в какой-либо связи с *Liebe*¹⁴ и *Frauen*¹⁵, пользуется теперь моим особенным благоволением.

¹¹ Естественное не безобразно (*лат.*)

¹² Примите мир! – рек Зевс со своих высот (*нем.*)

¹³ Суета, суета сует (*лат.*)

¹⁴ Любовью (*нем.*)

¹⁵ Женщиной (*нем.*)

Под водопадом друзья разошлись в противоположные стороны: Змеин повернул направо – к гостинице, Ластов взял налево – к пристани.

III. Ультрапрогрессист

Когда поэт спустился к озеру, публика уже высаживалась с парохода, и небольшая платформа пристани отказывалась вместить всю толпу – более, впрочем, по тому обстоятельству, что было много дам, а прекрасный пол, проводящий летний сезон в Интерлакене, рядится, как известно, необыкновенно пышно и носит платья шириною чуть ли не в Бrienцское озеро.

Ластов остановился на краю дорожки, ведущей от пристани вверх к отелю, чтобы не пропустить никого незамеченным. На губах его мелькнула улыбка, и он махнул рукой: с парохода сходил знакомый ему русский.

То был юноша лет девятнадцати, много двадцати. Пушок едва пробивался на красивом, самонадеянном лице его. Стан его, и без того очень стройный и тонкий, делался еще подвижнее и гибче от видимых стараний юного комильфо вложить в каждое движение грацию. В правом глазу его ущемлялось стеклышко. Платье, сшитое по последней парижской моде, сидело на нем превосходно, и страдало разве излишком изящности и воздушности для наряда туриста в гористой местности, как Швейцария.

Приезжий также заметил Ластова и мотнул ему издали головой.

– Que diable! Est ce toi, que je vois¹⁶? – начал он скороговоркой, когда добрался до поэта, и протянул ему с грациозной небрежностью свою маленькую, аристократическую руку, обтянутую в палевую лайковую перчатку. – D'ou viens tu, parbleu¹⁷?

– Мы с Змеиным, одним университетским товарищем, сколотили рубликов по триста и вот, сдавши выпускной экзамен, пустились в чужие края. Месяц уже, как шатаемся из стороны в сторону. Но ты, брат Куницын, какими судьбами?

– Moi? Mais je viens, comme toi, de finir mon cours – que le diable emporte toute l'ecole, «je veux bien, que le diable l'emporte»! Maintenant je me suis pensionne a Interlaken... Quelle decouverte j'y ai faite, te disje! fichtre! Il ne me reste – rien, que de faire sa connaissance – un ange, un diable de fille, parole d'honneur! Coquette comme la belle Helene, vive comme un chaton, spirituelle comme...¹⁸

– Aber, Liebster, Bester, Gutester!¹⁹ – перебил, смеясь, Ластов. – Du hast sie ja nich einmal gesprochen und ruhmst schon ihren Spiritus...²⁰? Куницын с недоумением посмотрел на говорящего.

– Que veut dire cela, mon ami²¹?

– Что?

– Да Германия?

– А Франция?

– Да ведь ты же говоришь по-французски?

– Говорю, но не так свободно, как по-русски. Со времен же гимназии мы с тобой объяснялись всегда на родном языке, так я не вижу надобности в чужом наречии.

– Образованному человеку должно быть решительно все равно, на каком бы наречии ни объясняться! Если же я раз заговорил с тобой по-французски, то тебе ничего бы не стоило

¹⁶ Какого черта! Это тебя я вижу? (фр.)

¹⁷ Мой Бог! Куда направляешься? (фр.)

¹⁸ Я? Но я просто хотел, как и вы закончить мой курс – черт возьми все эти школы, «Я не возражаю, чтобы их черт взял!» Сейчас я пенсионер Интерлакена... Какие открытия я сделал там! Черт! Остается только мне признаться – ангел, дьявол-девушка, ей-Богу! Кокетливая как прекрасная Елена, жива, как котенка, духовна как... (фр.)

¹⁹ Но, милый, милый, добрый друг! (нем.)

²⁰ Ты с ней ни разу не говорил и уже хвалишь ее душу? (нем.)

²¹ Что это значит, мой друг (фр.)

отвечать мне на том же языке, а то вздумал еще подтрунивать! Franchement dit, ты поступил даже bien impoliment²².

– Напротив, друг мой, impoliment поступил ты сам: ты заговариваешь со мною по-французски; я отвечаю по-русски, тонко намекая тебе этим, что французский язык между нами не у места. Ты, и ухом не ведая, продолжаешь по-французски. Разве это не impolitesse? С таким же точно правом мог я употребить немецкий язык, который знаю лучше французского; тебя же это не должно было удивлять: «Ведь всякому образованному человеку решительно все равно, на каком бы наречии ни объясняться»; следовательно, и все равно, отвечают ли ему по-французски или по-немецки.

– И ты, ты говоришь это серьезно? – воскликнул Куницын. – Немецкий язык трещит, шипит, скрипит; французский, благодаря своей гармоничности, сделался интернациональным европейским языком, как арабский в Азии. Французский язык – можно смело сказать – гарантия развитости человека, так как с помощью его сближаются народности, сближаются север и юг, восток и запад, а сближение развивает и ведет ко всемирному прогрессу, составляющему, как известно, цель всякого, мало-мальски образованного человека XIX столетия!

– Ого-го, как ты красноречив, хоть сейчас в адвокаты! – засмеялся Ластов, просовывая приятельски руку под руку юного прогрессиста. – Как раз заставишь еще раскаться, что я, по твоему примеру, не перешел в училище правоведения или не сделал, по крайней мере, изучения французского языка основною целью своей жизни. Расскажи-ка лучше что-нибудь про свою прекрасную Елену.

– Пожалуй... Ее, впрочем, зовут не Еленой, а Надеждой, или, вернее, Наденькой.

– Наденькой? Хорошенькое имя.

– Я думаю! – самодовольно подтвердил правовед, точно он сам сочинил его. – Их две сестры, она младшая. Есть и мать, *puis* наперсница. Все как в романе.

– Да их не Липецкими ли уж зовут?

– Ты почему знаешь?

– Видел в Висбадене. Впрочем, незнаком. Так они здесь, на Гисбахе?

– Само собою! – приехали на одном со мною пароходе. Не то зачем бы мне приезжать сюда? Чего я тут не видел?

– Но ты говоришь, Куницын, что так же еще не познакомился с ними. Как же это так? Ты, кажется, парень не промах, мастер на завязки?

– Parbleu²³! Но тут совсем особенный случай. Заговорил с нею как-то за столом – не отвечает. Ответила ее кузина, да так коротко и язвительно, что руки опустились. Разбитная тоже девчонка, ой-ой-ой! Моничкой зовут. Не правда ли, оригинальная кличка? Вероятно, производное от лимона? Впрочем, собой скорее похожа на яблоко, на крымское. Вот бы тебе, а? Да и как удобно: принадлежа к новому поколению, она, разумеется, не признает начальства тетки, делает что вздумается, прогуливается solo solissima²⁴, и т. д. Советую приволочнуться.

– Да которая из них Моничка? Что повыше?

– Нет, то Наденька. Моничка – кругленькая, карманного формата брюнетка.

– Вот увидим. Покуда они для меня обе одинаково интересны.

– А для меня так нет! Моничка, знаешь, так себе, средний товар, Наденька – отборный сорт. Тебе она, быть может, покажется ребенком, нераспустившимся бутонem; но в этом-то и вся суть, настоящий haut-gout²⁵. Я крыжовника терпеть не могу, когда он переспел.

– Ты, как я вижу, эпикурец.

²² Ты говоришь по-французски... очень грубо (*фр.*)

²³ ей-Богу (*фр.*)

²⁴ абсолютно одна (*ит.*)

²⁵ высокий вкус (*фр.*)

– А то как же? Ха, ха! Вы, университетские, воображаете, что никто, как вы, не заглядывал в Бюхнера, в Прудона... Да, Прудон! Помнишь, как это он говорит там... Ah, mon Dieu²⁶, забыл! Не помнишь ли, какая у него главная these?

– Самое известное положение его: «La propriete c'est le vol»²⁷, но в настоящем случае оно едва ли применимо.

– Да не то!

– Он, может быть, говорит, что незрелый крыжовник лучше зрелого?

– Ха! Может быть... Но ты сам убедишься, что мой незрелый куда аппетитнее всякого зрелого. Qu'importe, что я не сказал с ней и двух слов: у молоденьких девиц все нараспашку – и хорошее и дурное; а если ты замечаешь в девице одно хорошее, стало быть, она – chef-d'oeuvre²⁸.

– Chef-d'oeuvre или козленок: любовь зла, полюбит и козла.

– Фи, какие у тебя proverbes²⁹! Во-первых, она не может быть козленком, потому что она не мужчина, козел же мужского пола...

– Ну, так козочкой.

– А козочки, как хочешь, премилые животные: des betes, qui ne sont pas betes. Правда, un peu trop naives, но d'autant mieux: тем более вольностей можно позволять себе с ними.

В таких разговорах приятели наши взбирались вверх по правому берегу Гисбаха, через груды камней и исполинские древесные корни, пока не вышли в горную котловину.

Куницын удостоил водопад только беглого взгляда, снял шляпу и батистовым платком вытер себе лоб, на котором выступила испарина.

– Неужели нет другого пути, чтобы добраться в эту трущобу? – спросил он, отдуваясь.

– Как не быть! Остальная публика, кажется, и предпочла большую дорогу. Но здесь ближе и романтичнее.

– Романтичнее! В настоящее время, в век железа и пара, всякая романтичность – анахронизм. Вот и ботинок разодрал! Нечего сказать – романтично!

– Да, милый мой, ботинки – в Швейцарии вещь ненадежная; в Интерлакене ты, вероятно, можешь приобрести такие же толстокожие башмаки, как у меня, на двойных подошвах и обитые гвоздями.

– Да ведь они жмут?

– Жмут, но только какие-нибудь два дня, потом ложатся по ноге. Впрочем, не надейся, что преодолел все трудности: я намерен вставить тебя еще вон куда... Что за вид, я тебе скажу!

Ластов указал на крутизны Гисбаха.

– Шалишь, не заманишь!.. Ба! Это что за душка? – присовокупил правовед, завидев молоденькую швейцарку в дверях небольшого домика, о котором мы еще не упомянули. Домик этот, тип швейцарского шалё, с перевесившеюся кровлею, расположен под сенью деревьев, сейчас возле старого отеля, и есть один из магазинов бриенцской фабрики ореховых изделий, снабжающей все главные пункты Швейцарии своими красивыми безделушками, которые так охотно покупаются на память туристами. – Сюда, если хочешь, зайдем, – продолжал Куницын, – тут также своего рода романтизм.

– Зайдем, пожалуй. Видел ты, как она приветливо улыбнулась, когда заметила, что мы повернули к ней? Продувной народец! Улыбка ее относится исключительно к нашему

²⁶ О, мой Бог! (фр.)

²⁷ Собственность есть кража (фр.)

²⁸ шедевр (фр.)

²⁹ Пословицы (фр.)

кошелек. Делается даже грустно, что и улыбки-то приходится покупать! Guten Abend, Fraulein³⁰.

– Schonen Danr, meine Herren! Treten Sie nicht naher?³¹.

– Gewiss³². Замечаешь?

И они последовали за швейцаркой в сокровищницу ее.

³⁰ Добрый вечер, фройлен (нем.)

³¹ Спасибо, господа! Не хотите ли чего? (нем.)

³² Конечно (нем.)

IV. Как заключаются нынче знакомства

Змеин вошел между тем в общую столовую главного отеля «Гисбах», сложил плед, зонтик и дорожную суму в угол на стул, и, подождав к себе кельнера, заказал две порции бифштекса – одну сейчас, другую через полчаса, да по бутылке иоганисбергера и либ-фрауенмилх. Кельнер, не подозревая, что вторая порция бифштекса и одна из бутылок предназначались отсутствующему спутнику Змеина, посмотрел на сего последнего с некоторым недоумением, потом чуть ухмыльнулся и, проговорив: «Very well, sir»³³, – поспешил исполнить требуемое. Он сообщил, что столь прозорливый субъект не может принадлежать к иной нации, как к английской.

За длиннейшим столом, покрытым снежно-белой скатертью, восседало уже несколько гостей, занятых кто ужином, кто чаем. Змеин расположился на свободном конце стола. Рядом с ним сел дородный, средних лет немец; в ожидании заказанного им пива, заговорил он с Змеиным. Тот, занятый своим ужином, отвечал довольно неохотно. Но немец, наводивший речь на полевые работы, удобрение почвы и т. п. и оказавшийся по справке агрономом, вскоре почуял в Змеине знающего химика, и, решившись во что бы то ни стало воспользоваться этим случаем эксплуатировать безвозмездно чужие знания, осыпал его вопросами. Змеин, убедясь наконец в необходимости сносить терпеливо эту невзгоду, доел на скорую руку свой бифштекс, вытер салфеткою рот и, сделав изрядный глоток из стакана, повернулся к соседу:

– Ну, кончил. Теперь можете расспрашивать, сколько угодно.

Тот, конечно, не дал повторить себе это. Против и около них расположилось несколько дам – русских, как оказалось по разговорам. Хотя Змеин и не видел еще Липецких, но догадался, что это, должно быть, они. Лицо старшей из сестер, Лизы, показалось ему сверх того как будто знакомым, но он не мог дать себе ясного отчета, где именно видел ее. Г-жа Липецкая разговаривала с одной французской графиней, с которою сошлась на пароходе. Двух младших девиц она рассадилла намеренно розно, чтобы обуздать их пылкий нрав, высказывавшийся в подталкивании локтя соседки, когда та подносила к губам чашку, и т. п. Но, и разлученные, они не унимались и упражнялись в телеграфном искусстве особого рода, приставляя пальцы то ко рту, то к носу, то ко лбу, и затем хихикали дружно. Одна Лиза пила свой чай молча, не вмешиваясь ни в разговор дам, ни в мимическую болтовню девиц.

– Знаешь, о чем мы говорим сейчас? – весело обратилась к ней кузина.

– О чем?

– Ну, полно, Моничка! – воскликнула Наденька. – Не говори.

– Отчего же? Что за важность? Никто же не поймет. Хоть бы наши vis-a-vis: отъявленная немчура. Послушай только, о чем они толкуют.

– За тем-то ведь и оставляют поля под паром, – ораторствовал Змеин, – запас неорганической пищи растений наконец истощится, и только в год отдыха поле, выветриваясь, разрыхляясь под влиянием внешней сырости и тепла, успевает выработать новый запас легкорастворимых неорганических частиц, необходимых для постройки скелета растения и вбираемых корневыми мочками его, вместе с дождевою водою.

– А органические вещества? – возразил немец. – Хотя теоретики ваши и пишут, что из почвы растение пользуется одною неорганическою пищею; однако опыт показывает, что если удобрять землю падалиной, или вообще азотистыми веществами, как-то: копытами, рогами, то урожай бывает не в пример обильнее. Что вы скажете на это?

– Что ни химия, ни физиология, конечно, не показали еще, как именно происходит питание растений азотистыми веществами, но что, без всякого сомнения, растения питаются ими.

³³ Очень хорошо, сэр (англ.)

Это Либихом распространено мнение, будто весь свой азот они извлекают исключительно из воздуха; ну, а что сказал Либих, то, разумеется, для научных кротов свято.

– Слышали, *mesdames*? – расхохоталась Моничка. – Чудо, как интересно. Перед ними сидят хорошенькие девицы, а они толкуют – об удобрении! Натурально, колбасники.

– Впрочем, рассуждают логично, – заметила от себя Лиза, – в особенности младший, бородастый. Даже Либиха не признаёт. Должно быть, дельный химик.

– Дельный химик по части пива – это так! Взгляни на эти мужицки-атлетические формы, на эту флегму, *si contente de soi-meme*³⁴ – ну, Бахус, да и только!

– Гамбринус, хочешь ты сказать? Бог пива – Гамбринус.

– А он ведь недурен, – заметила в свою очередь Наденька. – Только нос немножко широк да глаза зеленые, как у ящерицы. Зубы чистит тщательно; за это люблю: точно заглядываешь внутрь человека, в душу, которая так же чиста.

– Да, он не сливки, а сыворотки, – сказала Лиза, – но сыворотки здоровее.

– Так сказать тебе, Лиза, о чем мы болтали с Наденькой? – начала опять Моничка.

– Да перестань, – прервала Наденька.

– А вот нарочно же. Видишь ли, *ma chere*...

– Так постой же, дай, я сама расскажу. Признаваться, так признаваться.

Наденька оглянулась по сторонам и продолжала, понизив голос:

– Вчера, часу в одиннадцатом вечера, когда мы уже улеглись с тобой, раздается вдруг легкий стук в окошко. Я прислушиваюсь – новый стук. Я вскакиваю, завертываюсь в одеяло и – к окошку. Гляжу: Моничка. Я тихонько открываю окно. «Спит Лиза?» – спрашивает она шепотом. «Спит. А что?» – «Не хочешь ли повояжировать?» – При этом она распахнула мантилью, которая прикрывала ей плечи. Я чуть не вскрикнула от удивления. «Что с тобою, Моничка?» – прошептала я. Вообрази: она, сумасшедшая, в одной сорочке...

– Неправда! – перебила Моничка. – Я была и в туфлях.

– Это так: после еще потеряла одну в траве. Я сперва не решалась идти с нею, но потом, рассудив, что все в доме спит, не могла удержаться, надела ботинки, накинула тальму – и марш из окошка в сад.

– Малюточки! Но к чему все это?

– К чему? Хотелось набегаться. Перескочив ограду, мы бросились в рожь, росистую, мокрую, ловить друг друга...

Змеин, продолжавший прения свои с немцем, вслушивался одним ухом и в разговор девиц. При последних словах Наденьки он встал из-за стола, сказал своему соседу: «*Im Augenblick bin ich wieder da*»³⁵, – и, взяв со стула в углу шляпу, вышел из комнаты.

В поисках Ластова Змеин добрал до старого отеля, когда завидел приятеля сквозь растворенную дверь вышеописанного склада швейцарских изделий, любезничающим с кокетливой продавщицей.

– Вот этот альбом, – говорила вкрадчивым голосом швейцарка, – вы подарите своей сестрице – ведь у вас есть сестрица? А то невесте... Но нет, для невесты мы выберем что-нибудь посолиднее... хоть бы эту брошку; изволите видеть: чистая слоновая кость, и олень как вырезан!

– Да у меня нет еще невесты... – бормотал растерянный поэт, перекладывая из руки в руку два ореховые ножа для прорезывания бумаги, чернильный прибор и прочее, которыми проворная девушка успела уже нагрузить его.

– Ну, так есть возлюбленная? – говорила она, лукаво заглядываясь ему прямо в глаза. – Чтob у такого красавчика не было возлюбленной – я ни за что не поверю.

³⁴ так доволен собой (*фр.*)

³⁵ Сейчас я вернусь (*фр.*)

– В том-то и дело, моя милая, – отвечал в ее же тон Ластов, – что у нас не водится таких душек, как вы; потому даже и возлюбленной не имеется.

Куницын тем временем разглядывал в стеклышко разнообразные вещицы, аккуратно расставленные по шкафам. Он было попытался с нежностью прищуриться в глазки швейцарке; но когда та, ни мало этим не смущаясь, пристала и к нему: «Да возьмите то, да купите то», он сделался поразительно холоден и снизошел только приобрести крошечную ореховую папиросницу, которую нашел в самоновейшем вкусе.

– Чем ты тут занят? – спросил Ластова входящий Змеин. – Брось эти пустяки и пойдем со мною.

К поэту подошел Куницын.

– Что ж ты не представишь меня своему другу?

– Виноват. Благословляй свою судьбу, о юноша что удостоился узреть сего мужа! Се он, le celebre Kounizine³⁶, представитель петербургских mauvais sujets³⁷. До четвертого класса гимназии я имел счастье называть его своим товарищем; но тут, постигнув свое высшее назначение, он переселился в храм Фемиды; до нынешнего года посвящали его в таинства богини. И вот, попечения жрецов увенчались полным успехом: грациознее его никто не канканирует (у Ефремова предлагали ему по пяти целковых за вечер, с открытым буфетом), лучше его никто не знает приличий высшего тона (поутру весь стол у него завален раздушенными записочками); французским языком пропитан он насквозь, до кончиков ногтей, точно наэлектризован, так что стоит только дотронуться до него пальцем, чтобы вызвать искры изысканнейших парижских bonmots³⁸...

– Но, Ластов, это бессовестно... – протестовал, нахмурившись, правовед.

– Впрочем, добрый малый, – присовокупил поэт. – Как видишь, не сердится даже на мой преувеличенно-лестный панегирик.

– Очень приятно познакомиться, – сказал Змеин, пожимая руку правоведу.

– Сей, – продолжал рекомендовать Ластов, ткнув указательным перстом в грудь друга, – Александр Александров сын Змеин, натуралист, также вполне оправдавший надежды своего начальства, Ну, и... натуралист, одно слово. Понимаешь?

– Не совсем. Должно быть, нечто вроде тебя?

– Приблизительно, только еще воплощенное. Ты, Змеин, звал меня зачем-то?

– А вот видишь ли: я пойду и сяду в гостинице за стол, ты подойди да заговори со мной по-русски.

– Больше ничего?

– Больше ничего.

– Но ради какой цели, позволь узнать?

– Это ты из дела усмотришь. Исполни только мои указания.

Молодые люди направились к главному отелю. Змеин вошел в столовую первым, занял свой стул и возобновил разговор с любознательным немцем. Вошедший несколько спустя с Куницыным Ластов, согласно условию, подошел к сидящему приятелю и, положив ему руку на плечо, спросил во всеуслышание:

– А что ты, брат, заказал для меня бифштекс и рейнвейну?

Нельзя изобразить, какое магическое действие произвели эти, сами по себе весьма невинные, слова на наших девиц. Наденька, узнав в Ластове с первого же взгляда висбаденского игрока, вспыхнула до висков и не знала, куда отвернуться; Лиза подняла голову и молча впе-

³⁶ Знаменитый Куницын (фр.)

³⁷ сволочей (фр.)

³⁸ Остряков (фр.)

рила в Змеина изумленный, строгий взор; Моничка, наконец, приснувшая сначала, поняла тут же всю неловкость своего положения и с запальчивостью обратилась к Змеину:

– Вы, *monsieur*, знаете по-русски и не могли объявить нам об этом заранее?

– Напрасно вы горячитесь, – отвечал спокойным тоном Змеин. – Не вы ли сами посвящали все присутствующее общество в ваши частные тайны? Чем виноват смертный, случайно понимавший по-русски?

– Но вы обязаны были предупредить нас!

– Я и предупредил: позвал товарища, чтобы он при вас заговорил со мною.

– Как? Вы нарочно сходили за ним? *C'est affreux*³⁹.

– Послушайте, милостивый государь, – обратилась тут к Змеину Лиза, вымеривая его ледяным взглядом, – вы хотели дать нам урок?

– Имел в виду.

– Но по какому праву, позвольте вас спросить?

– По праву старшего – наставлять детей.

– Детей! Если б вы знали, с кем говорите...

– А именно?

– Я... я более года посещала университет, покуда не вышло запрещения...

– Так вы экс-студентка? Что ж, этого товару на свете не искать стать: божья благодать.

– Да, благодать! Но это не все. В настоящее время я занимаюсь своим предметом дома и в будущем мае думаю сдать уже на кандидата, а там, даст Бог, и на магистра, на доктора... Вот что-с!

– Дай Бог, дай Бог вам всякого успеха.

– Ты не думай, *ma chere*, что он хотел предостеречь нас, – вмешалась с желчью Моничка. – Это было одно мальчишество, желание посмеяться над девицами... Мы презираем вас, сударь!

– Видите, как вы неразборчивы в выборе ваших выражений, – возразил с прежним хладнокровием Змеин. – Надо быть осторожнее: другой на моем месте, пожалуй, отплатил бы вам тою же монетой. Я вижу, приходится изложить вам ход дела систематически. Я толковал без всяких задних мыслей с сим достопочтенным тевтоном. О чем? Вы, может быть, слышали.

– Очень нужно нам подслушивать ваши скучные разговоры!

– Зачем же отпираться, Моничка? – заметила Лиза. – Ну, мы слышали, о чем вы говорили. Что ж из того?

– Дело не в предмете нашего с ним разговора, в том, чтобы вы знали, что предметом этим были не вы. Тут долетает вдруг до слуха моего несколько слов обо мне. Как было не насторожить ушей! Обнаруживать же, что я понимаю вас, не было резонной причины: вы говорили обо мне – тема самая приличная. К тому же куда как приятно подслушать лестный о себе отзыв из прелестных девичьих уст!

– Пожалуйста, без колкостей, сударь!

– Тут зашла у вас речь о вчерашней аванюре, – продолжал Змеин. – Я мысленно зажал себе уши, но что прикажете делать, если мера эта не оказалась вполне состоятельной? Расслышав кое-что из вашего разговора и опасаясь, чтобы вы и в другой раз, перед менее снисходительным слушателем, не скомпрометировали себя подобным же образом, я почел своим долгом преодолеть природную флегму (что я второй Обломов – подтвердит вам всякий, кто мало-мальски знает меня), встал и пошел вот за ним. Я думал, что вы будете мне еще душевно благодарны.

В продолжение этой рацеи нашего философа черты Лизы начали мало-помалу проясняться.

³⁹ это ужасно (*фр.*)

– Мы где-то с вами уже встречались, – промолвила она. – Вы не из петербургского ли университета?

– Так точно.

– Что же вы не сказали нам этого с первого же начала? Ваш приятель, должно быть, также университетский? Его я, кажется, видела вместе с вами на лекциях.

– Да, мы с ним одного факультета и курса.

– Ну, вот. Знаете что? Вы, кажется, вовсе не такой злодей, как представилось нам сначала. Вы куда отсюда? В Интерлакен?

– В Интерлакен.

– И играете в шахматы?

– Играю.

– Послушайте, тут ужасная скука: хотите быть знакомым с нами?

– Но, Лиза!.. – шепнула ей Наденька, разгоревшаяся при последних словах сестры, если возможно, еще пуще прежнего. – Ведь он все расскажет своим товарищам...

– Да! – обратилась к Змеину экс-студентка. – Вы ведь ничего еще не говорили этим господам о сюжете нашего давешнего разговора?

– Нет, не успел.

– Так и не говорите. Молодым девушкам, знаете, конфузно. Стало быть, решено: мы знакомы?

– Пожалуй, мне все равно. А вы порядочно играете в шахматы?

– Вот увидите. Однако пора и узнать подробнее, с кем мы имеем дело. Кто вы, господа?

– Я и он, – сказал Змеин, указывая на Ластова, – кандидаты естественных наук, я – будущий мыловар, он – будущий просветитель юношества.

– А зовут вас?

– Меня Александром Александровичем Змеиным, его – Львом Ильичом Ластовым.

– А вы кто? – обратилась Лиза к Куницыну. – Бьюсь об заклад, что лицеист или правовед?

– Из чего вы заключили? Да, я был правоведем, но уже окончил курс – с девятым классом! Зовут меня Куницыным.

– Il me semble, que nous avons déjà vu monsieur a Interlaken⁴⁰? – заметила насмешливо-кокетливо Моничка.

– A votre service, mademoiselle⁴¹, – отвечал, ловко раскланиваясь, правовед.

– Теперь очередь за нами, – сказала Лиза. – Я – Лизавета Николаевна Липецкая, чин и звание мое вам уже известны. Это – сестра моя, Надежда Николаевна, петербургская гимназистка. Вот наша мать, жена тайного советника Липецкого. А вот, Саломонида Алексеевна Невзорова – один из будущих перлов петербургских великосветских балов, – прибавила экс-студентка не без иронии.

Жена тайного советника хотела было вмешаться в разговор молодежи, ибо находила неслыханным и ни с чем несообразным такое внезапное знакомство с вовсе незнакомыми людьми, но никто из участников маленькой интермедии не удостоил ее внимания, и, пожав плечами, непризнанная родительница повернулась опять к своей французской графине.

Немец, сосед Змеина, угадывая сердечное желание стоящих за ним молодых людей подсесть к своим новым знакомкам, допил наскоро остатки пива и поднялся с места.

– Вы, господа, может быть, устали? – проговорил он. – Я, со своей стороны, насиделся. Как бы вам только поместиться.

Но юноши поместились как нельзя лучше: соседи направо и налево поотодвинулись, в открывшийся промежуток был втиснут новый стул – и поместились. Завязался разговор,

⁴⁰ Мне кажется, что уже виделись с джентльменом из Интерлакен (*фр.*)

⁴¹ К вашим услугам, мадемуазель (*фр.*)

непринужденный, веселый, как между старыми знакомыми. Куницын, который предшествующее лето провел в разгульной столице Франции, знал множество «ароматных» анекдотов из области тамошнего полусвета и преимущественно способствовал оживленности разговора. Отроковицы заметно успокоились от первого волнения, изобличая похвальный аппетит: напереыв намазывали они себе на полуломтики рыхлой, белой булки свежего масла и сверху, как водится, зернистого, полужидкого меду.

Блюда с ветчиной, холодной говядиной, сыром, земляникой, скудели видимым образом; земляники потребовалось даже второе увеличенное издание.

V. Гисбах освещается. Взаимный дележ

В девять часов раздался внезапно за окнами столовой сигнальный пушечный выстрел. Все вскочило, переполошилось.

– Иллюминация, – переходило из уст в уста. Дамы схватились за мантильи и платки, мужчины за пледы и шляпы; ужин и чай были брошены; всякий спешил выбраться на вольный воздух.

На дворе стояла ночь, чудная южная ночь, теплая и безлунная. В темно-синей, почти черной бездне небес мерцала робким огнем одинокая вечерняя звезда. Внизу, в земной юдоли, в горной котловине, было непроницаемо темно, хоть глаз выколи. Только пенистые каскады неумолкаемого Гисбаха белели в отдалении.

На площадку перед старым отелем, то есть прямо против водопада, была вынесена армия стульев; гости атаковали их с ожесточением. Смех, говор, треск стульев! В окружающем мраке никто никого не узнает.

– Вы это, N. N.? (Называется имя.)

– Нет, не я.

– Не вы?

Старая, но хорошая острота, возбуждающая общую веселость.

Вот от главного отеля начинают приближаться яркие блудящие огни; за каждым огоньком вьется змейка освещаемого им дыма. Вскоре можно различить людей с факелами. Длинной процессией тянутся они вдоль окраины чернеющего леса, в направлении к Гисбаху. Теперь они взбираются, один в известном расстоянии от другого, на крутизны водопада; то пропадут в сумраке чащи, то явятся опять, чтобы в то же мгновение вновь скрыться. Вот мелькнул свет и на верхнем мостике – и все огни разом исчезли. Наступила прежняя темь, оглашаемая только немолчным гулом падающим вод. Вдруг под ногами зрителей сверкнул огонь, раздался оглушительный пушечный выстрел. Все вздрагивают и вскрикивают. Но крик испуга переходит в возглас удивления: вся водяная масса, сверху донизу, вспыхивает мгновенно одним общим волшебным огнем. Подобно расплавленному металлу, ярко светясь насквозь, пенистые воды Гисбаха низвергаются, словно звонче и шумнее, с уступа на уступ; прозрачная, светлая дымка водяной пыли обвеивает их. От воды освещаются трепетным блеском и окружающие мрачные лесные исполины. Ярко-белый цвет вод переходит незаметно в красный, красный – в пунцовый. Верхний каскад зеленеет, и весь водопад донизу заливает зеленым отливом. Тихо-тихо меркнут светлые воды, сначала наверху, потом все ниже и ниже; мгновение – и все погрузилось в прежний мрак.

Зрители, любовавшиеся невиданным зрелищем с притаенным дыханием, только теперь очнулись от очарования. Все заговорило, задвигало стульями.

– А в самом деле, очень недурно, – заметила Лиза, – лучше даже, чем днем.

– Ах, нет, *ma chere*, – возразила Наденька, – бенгальское освещение – искусственное, следовательно, хоть и поражает сильнее, но не может сравниться с дневным, естественным.

– Ты сама себе противоречишь, моя милая. Ведь бенгальское освещение, говоришь ты, действует на тебя глубже дневного?

– Глубже.

– А между тем в нем нет для тебя ничего неприятного?

– Нет, оно даже, может быть, приятнее дневного, но оно искусственное, а следовательно...

– Полно тебе сентиментальничать! – прервала Лиза. – Есть разве какое существенное различие между освещением того или другого рода? И здесь, и там происходит не более как сотрясение эфира, игра световых волн на одном и том же предмете – воде, и в том, и в другом

случае раздражается зрительный нерв, и чем приятнее это раздражение, тем оно и благороднее: всякое ведь сотрясение эфира естественно, искусственно. Солнце могло бы точно так же светить бенгальским огнем, как светит теперь своим обыкновенным светом, и тогда ты сама не нашла бы в таком освещении ничего неестественного.

– Да вам хоть сейчас в профессора! – заметил шутливо один из молодых людей.

– Сестра молода, – отвечала серьезным тоном экс-студентка, – всякая новая мысль нелишняя в ее годы.

– Вы говорили про раздражение зрительного нерва, – вмешался Змеин. – Я должен заметить, что прежде всего раздражается в глазу сетчатая оболочка, а уж от этой раздражение передается чрез зрительный нерв мозгу.

– Ну, пошли философствовать! – перебил нетерпеливо Куницын. – Бенгальское освещение развлекло нас более дневного, значит, оно и лучше. Что тут толковать?

Общество подходило к гостинице.

– Не сделать ли еще ночной прогулки? – предложил Ластов.

– Ах, да, да! – подхватили в один голос Наденька и Моничка.

– А я думаю, что нет, – решил Змеин. – Пароход отходит завтра чуть ли не в седьмом часу утра, поэтому, если мы хотим выспаться, то пора и бай-бай.

– Вы самый рассудительный из нас, – сказала Лиза. – В самом деле, мы уже вдоволь насладились вашим обществом, господа, хорошего понемножку. Пойдемте, детушки.

– Пойдем. Доброго сна, господа.

– Au revoir, mesdemoiselles⁴², – отвечал Куницын.

– Прощайте, – сказал Ластов.

– Кланяйтесь и благодарите, – заключил Змеин. Наши три героя решили единогласно потребовать три отдельных номера: оно удобнее, а цена та же, так как в гостиницах почти повсюду берут плату не за комнаты, а за кровати. На беду их, в отеле «Гисбах», при большом стечении публики, бывает, несмотря на относительную просторность здания, довольно тесно; почему приезжие, справившиеся предварительно в красноморском путеводителе, всегда позаботятся заблаговременно о ночлеге. Наша молодежь не заглянула в Бедекера, а когда обратились со своим требованием к кельнеру, то получила альтернативу: или удовольствоваться всем троим одним номером, или же искать пристанища в окружающих дебрях. Последнее, как неудобноисполнимое, было отвергнуто, первое со вздохами принято. Отведенная им комната оказалась под самую крышею и имела полное право на название чердака; она была так низка, что Ластов (самый высокий из молодых людей), не становясь на цыпочки, мог достать рукою до потолка. Три кровати занимали почти все пространство комнаты.

– Ну, брат Ластов, – заговорил Куницын, – как ты находишь мою belle Helene⁴³? Не достойна она этого титула, а?

– Как тебе сказать?.. Прекрасной Еленой ее едва ли можно назвать: троянская красавица, сколько мне известно, была женщина вполне расцветшая, в соку, тогда как Наденька – ребенок. Но она, слова нет, мила, даже очень... Видно, что ей и непривычно, неловко в длинном платье, и в то же время хотелось бы казаться взрослой; застенчивость дитяти с эксцентричными порывами первой самостоятельности и придает ей эту особенную привлекательность.

– Bravo! Так она тебе нравится? Malgre⁴⁴, что незрелый крыжовник?

– Я и не восставал против незрелого крыжовника; меня удивляло одно: как ты, человек столь рафинированный, мог прельститься ею? Теперь отдаю полную честь твоему вкусу. Похвально также, что они с Лизой не шнуруются: без корсета талья обрисовывается куда пла-

⁴² До свидания, мадмуазель (фр.)

⁴³ Прекрасную Елену (фр.)

⁴⁴ Несмотря на (фр.)

стичнее, рельефнее, и в то же время не дает повода опасаться, что переломится при первом дуновении. Да и в умственном отношении Наденька, кажется, не из последних: немногие слова, сказанные ею, были так логичны...

– Та, та, та! Это что? – воскликнул Куницын. – Пошел расхваливать! Уж не собираешься ли ты отбить ее у меня?

– А если бы? Она и мне более Монички нравится.

– Нет, уж, пожалуйста, не тронь. Ты ее знаешь всего с сегодняшнего дня, значит, не так привязался к ней... Условие, господа: каждый из нас выбирает себе одну для ухаживания и, как верная тень, следит за нею; другими словами: не вмешивается в дела остальных теней. Нас трое и их три, точно на заказ. Вы, m-г Змеин, берете, разумеется, Лизу? Змеин поморщился.

– Да полно вам кокетничать! Кому ж, как не вам, играть с нею в шахматы? Кто, кроме вас, выдержит с этой флегматической докой? Не взыщите за правду. Я не постигаю только, как вы еще не сходите с ума от нее? Совсем один с вами темперамент, точно из одной формы вылиты, а наружность и тела – в своем роде *magnifiques*⁴⁵.

– Это так, торс славный. Если б и ум ее был вполтину так роскошен...

– А почему вы знаете, каков у нее ум? Исследуйте наперед. Это по вашей части: исследование, анализ, химия!

– К тому же, – подхватил Ластов, – хотя она и из студенток, но, как кажется, не ставляет себе главной целью поимку жениха. Уж одно это должно бы возвысить ее в твоих глазах.

– Знаем мы этих весталок нового покроя! – отвечал Змеин. – Пока не нашлось обожаемого, девушке, конечно, ничего не стоит играть неприступную, а попробуй возгореть к ней бескорыстно благородным огнем, сиречь намекни ей про законные узы, – она тут же бросится в объятия к тебе, как кошка в пламя свечи, с риском даже опалить крылья.

– Mais, mon cher ami⁴⁶, вы расстраиваете весь наш план. Как же быть нам, если вы отказываетесь от Лизы?

– Да я, пожалуй, сыграю с нею несколько партий в шахматы, чтобы вы с Ластовым могли утолить первый позыв вашей любовной жажды. Но не пеняйте, если я в случае невозможности выдержать, поверну оглобли.

– Можете. Я, со своей стороны, настолько доверяю Лизе, что надеюсь, что она не так-то скоро отпустит вас. Итак, ваш предмет – Лиза? Решено?

– Решено.

– Мой – Наденька, эта также решено. Значит, на твою долю, Ластов, остается одна Моничка, Саломонида, Salome!

– И то хлеб. Ведь ты, Куницын, не воспрещаешь говорить иногда и с твоей красоткой?

– Куда ни шло – можешь.

– И за то спасибо.

– Вы, господа, готовы? – спросил Змеин, перевешивая последние доспехи свои через спинку стула и подлезая под перину.

– Вот уж скоро двадцать лет, – сострил Куницын. Змеин задул свечу.

– Это зачем? – спросил тот. – При свете болтается гораздо веселее.

– То-то вы проболтали бы до зари, а встать надо с петухами. Buona notte⁴⁷!

– Кланяйтесь и благодарите, – отвечал, смеясь, правовед, повторяя любимое, как он заметил, выражение Змеина.

Тем временем в другой комнате гостиницы происходил разговор между девицами, почти тождественный с вышеприведенным.

⁴⁵ прекрасны (*фр.*)

⁴⁶ Но, дорогой мой друг (*фр.*)

⁴⁷ Хорошей ночи (*ит.*)

Липецкие распорядились о ночлеге своевременно, и им отвели два номера в бельэтаже, в две кровати каждый. Моничка и Наденька просились спать вместе; г-жа Липецкая хотела было отказать, но когда и Лиза ввернула свое доброе слово: «Да дайте же им погулять! Не век же пробудем за границей», – она, сообразив, что и вправду резвущки не дадут ей сомкнуть глаз, если она одну из них возьмет к себе, махнула рукой:

– А Бог с вами! Делайте, что хотите.

– Давно бы так! – сказала Моничка. – Надя, allons!

Они порхнули по коридору в свои новые, неоспоримые владения, притворив плотно дверь к владениям двух старших дам.

– Нам не помешают, и мы не помешаем, – Моничка раскрыла окно и вывесилась за него. – Досадно, что так высоко! – заметила она. – Опять бы повояжировать.

Наденька вспомнила недавнюю интермедию из-за вчерашнего вояжа и надулась.

– А какой же он противный! Слушает, точно агнец, точно ничего и не понимает, а сам только придумывает, как бы поосновательней пристыдить нас.

– Кто? Змеин? Материалист, грубый, неотесанный материалист! Да разве от университа́нта можно ожидать чего-нибудь лучшего? Как я его за то и отщелкала! Ты слышала? «Вы, говорю, мальчишка, мы вас презираем, сударь!» Ха, ха!

– Его это, однако, кажется, не очень тронуло.

– Не очень тронуло! В нем нет ни капли врожденного благородства, оттого и не тронуло. Ты думаешь, что истинно образованный человек принял бы так легко мои слова? А с него, как с рыбы вода.

– Как с гуся, хочешь ты сказать.

– Ну, все равно. То ли дело правоведушка! Вот милашка, так милашка! Настоящий *rig sang*⁴⁸, душенька! Так бы взяла, кажется, за оба ушка да и расцеловала тысячу раз!

– Что ж? Попробуй. Он, я думаю, и сам не откажется: и ты ведь милашка, а – *qui se ressemble, s'assemble*⁴⁹. Но я все-таки не понимаю, как можно решиться поцеловать его, правоведа!

– Отчего же нет? Целовать мы, женщины, имеем, я думаю, такое же право, как мужчины. Куницын же более чем кто-либо достоин женских поцелуев: он и *un homme tres gentil*⁵⁰ и *un vrai gentilhomme*⁵¹.

– То есть фат? Ходячая модная картинка?

– Так что ж такое? Ты слишком взыскательна, та *chere*: если человек хорош, то должен и культивировать свою красоту, как культивируют, *par exemple*, какой-нибудь талант. Ты сама говорила, что в прекрасном теле должна заключаться и прекрасная душа.

– Моничка, Моничка! Ты, кажется, уже по уши влюблена в него. Это тем грустнее, что он занят не тобой, а мной: и в Интерлакене он следил только за мной, и здесь за чаем относился все более ко мне.

– Как ты воображаешь себе, Наденька! В Интерлакене мы ходили с тобою всегда вместе. Следовательно, нельзя определительно сказать, к которой именно из нас относилось его внимание. Когда он заговорил с нами, то обратился к тебе, может быть, только затем, чтобы замаскировать свои чувства, а сегодня вечером... да вот еще, когда он рассказывал про парижских львиц, то сделал мне комплимент, что я стою любой из них. Потом...

Наденька расхохоталась.

⁴⁸ Породистый (*фр.*)

⁴⁹ похожи друг на друга (*фр.*)

⁵⁰ человек очень хороший (*фр.*)

⁵¹ истинный джентльмен (*фр.*)

– Ты, моя милая, как Марья Антоновна в «Ревизоре»: «И как говорил про Загоскина, так взглянул на меня, и как рассказывал, что играл вист с посланниками, то опять взглянул на меня».

– Ну да! Ты вечно со своими русскими сочинителями. Но мой правовед – человек симпатичный, не то что эти два медведя... По-твоему, пожалуй, этот бледный, долговязый лучше?

– Разумеется, во сто раз лучше.

– Да ведь он глупенький! В продолжение всего вечера сказал какие-нибудь два-три слова.

– Значит, молчалив и хотел наперед разглядеть нас. Помнишь, как любезно принял он нашу сторону в Висбадене за рулеткой?

– Очень нужно было! Если б он не вмешался, то я потеряла бы этот первый гульден да с тем бы и ушла; а то по его милости спустила все, что имела с собою.

– Ты забываешь, Моничка, что и я проиграла все бывшие при мне деньги, но, как видишь, не сержусь на виновника нашей беды. Чем же виноват он, что мы не могли удержаться от игры? Он поступил только весьма любезно. А что до его наружности, то черты у него правильные, классически-благородные, обхождение хотя не такое ухарское, как у Куницына, зато более натуральное, стало быть, и более приличное.

– Отчего не классически приличное? Я, прочем, очень довольна, что вкусы наши расходятся: не помешаем, значит, друг другу. Вы с Лизой обворожайте своих классиков, я удовольствуюсь *даже* правоведем, хотя он, как ты уверяешь, и пленен уже тобой! Что, сударыня, завидно?

– Ничуть. Наслаждайся им, сколько душе угодно.

– Да? Ты обещаешься не мешать мне?

– Слово гимназистки! – усмехнулась Наденька, поднимая вверх торжественно три пальца.

– Cela suffit. Une femme d'honneur n'a que sa parol⁵².

⁵² Этого достаточно. Женщина чести, который держит свои слова (фр.)

VI. О комарах и сновидениях

Настало утро. На гисбахской пристани толпился народ. От Бриенца приближался, усердно пыхтя, небольшой пароходик. Наши русские были в числе ожидающих. Пароход ударился о дебаркадер, и толпа повалила на палубу. Русская молодежь уселась на табуретках в тесный кружок.

– Как вы почивали? – обратился к барышням Ластов. – Не помешал ли вам водопад?

Наденька, казалось, совестилась начать разговор и смолчала; Моничка не считала нужным отвечать на вопрос «долговязого университетанта». Ответ остался за Лизой.

– Помешал-таки, – сказала она, – шумит так, что стекла дребезжат. С непривычки трудно заснуть. Более, однако, надоедали комары, и если бы не одна уловка с моей стороны...

– Ваша правда, – подхватил Куницын, – комаров здесь легион. Воевал я с ними, воевал – сил не стало.

– А, так это ты бил так звонко в ладоши? – спросил Ластов. – Я думал: неужто Змеин?

– Нет, я. Да ведь вплоть до зари, бестии, не давали сомкнуть глаз! Кусаются, как собаки. Вероятно, и после кусали, да усталость одолела, заснул. Жужжат у тебя под самым ухом, в темноте их и не разглядишь. С первого-то начала я отмахивался платком, да никакого толку: только отгону, опущусь на подушки – а они опять тут как тут. Наконец, я вышел из себя и давай рубить сплеча и правого, и виноватого: поутру весь пол около моей кровати, как поле битвы, был усеян вражескими трупами.

– Вы человек горячий, – сказал Змеин, – и принимаете все к сердцу. Я, со своей стороны, не вижу, чего тут беспокоиться? Пусть пососут маленько: нас от этого не убудет, им же надо чем-нибудь пропитаться. К чему хлеб отнимать. Мое правило: *Leben und leben lassen*⁵³.

– Хорошо вам рассуждать: обросли кругом непроходимым муромским лесом, тут и самому отчаянному комару-разбойнику не проникнуть.

– Ничего, проникали, только я не удостоивал внимания. Один из самых бойких запутался даже в моих баках и давай пищать благим матом. Я человек с сердцем и не могу видеть чужих мучений: взял, высвободил осторожно ножки шалуна и пустил его на волю. Потом, в сознании сделанного доброго дела, заснул безмятежно сном праведных.

– Вы, должно быть, большой лимфатик, – заметила теперь Наденька. – Большая часть людей не может вынести писк этих неотвязчивых певунов. Звенит комарик, распевает вкруг тебя где-то в воздухе, все ближе и ближе, вот-вот, кажется, сядет, но нет, отлетает и снова заводит свою задорную серенаду. Это ожидание беды мучительнее самой беды.

– Совершенно справедливо, – подтвердил Ластов. – Но если защититься от них как следует, то можно слушать их довольно хладнокровно. Так я, ложась ввечеру, придвинул к изголовью стул, распустил через ручку его и свою голову плед и обеспечил себя таким образом от дальнейших нападений маленьких надоедал. Дышать было свободно, потому что между изголовьем и стулом оставался еще промежуток; выдыхаемая углекислота опускалась по тяжести к полу и заменялась оттуда немедленно струею чистого воздуха. Комары распевали вкруг моей головы по-прежнему, но проникнуть до меня не имели уже физической возможности. С полным душевным спокойствием внимал я их концерту, слагая из напевов их, то глубокобасистых, то пронзительно-звонких, мелодии штраусовского вальса, пока, убаюканный, не задремал.

– Я распорядилась пообстоятельнее, – сказала Лиза. – У меня обыкновение читать в постели; вчера, когда начали докучать комары, я пошла со свечой в смежную комнату, где почивали Моничка и Наденька, и поставила свечу на пол. Девушки спали, как убитые, потому комары не могли беспокоить их. Когда, по моему расчету, все комары из нашей спальни пере-

⁵³ Живи и дай жить другим (нем.)

летели к ним, к свету, я задула свечу. Потом вернулась к себе и плотно притворила дверь. Средство оказалось радикальным: в комнате не осталось ни одного комара.

– А мы удивлялись, откуда взялась у нас поутру такая пропасть их и свеча на полу! – воскликнула Моничка.

– Она всегда так, – сказала Наденька. – Вот как искушали – просто ужаси! – прибавила она, разглядывая с комическим отчаяньем свои красивые, полные руки, испещренные до локтей красными пятнами.

– В самом деле, – подхватила Моничка, осматривая и свои руки. – И меня тоже! Я думаю, и на лице есть следы.

– Есть-таки! – засмеялась Наденька. – Но тебе это идет.

– Grand merci! В наши лета можно, кажется, обойтись и без косметических средств. Ты, впрочем, очень-то не радуйся, ангел мой: ты сама в пятнах.

– Ничего, пройдет. Пройдет, господа натуралисты?

– Пройдет, – успокоил Ластов. – Комары принесли вам даже некоторого рода пользу. Не пусти они вам крови, я уверен, вы не выпалились бы так славно, не видали бы таких вещей во сне.

– Каких вещей?

– Да всего того, что молодые девушки любят видеть во сне. Где же нам знать!

– А интересно бы! – подхватил Куницын. – Говорят, что если спишь в первый раз под кровлею дома, то все, что приснится, и сбудется на деле? Mesdames, будьте великодушны, расскажите ваши сегодняшние сны.

– Какой вы любопытный! – кокетливо улыбнулась Моничка. – Если *вы* приснились мне – неужели также рассказывать?

– А то как же? Мы в Швейцарии, в стране откровенности и свободы.

– Вишь вы какой!

– Да вам-то я, пожалуй, и не приснился...

– А, так вы думаете, что приснились одной из других девиц? Поздравляю вас, mesdames!

Кому ж-то из вас приснился м-р Куницын?

– Не мне! – поспешила уверить Наденька.

– Мне и подавно нет, – Лиза.

– Вот видите ли, Фома неверующий? А мне вы приснились!

– Так расскажите, как и что. Маленькая брюнетка лукаво засмеялась.

– Я думаю, лучше не рассказывать.

– Почему же нет?

– Вероятно, ты предстал не в очень лестном для тебя свете, – предположил Ластов.

– Cela ne fait rien: d'une demoiselle tout est лестно. Racontez, m-lle, je vous en prie.⁵⁴

– Eh bien, m-r, si vous l'exigez infailliblement...⁵⁵.

Фантазия у Монички оказалась довольно бойкая.

Не задумываясь, она тут же сложила целый волшебный сон.

Ей снилась, рассказывала она, тенистая роща при серебристом мерцании луны. Под прохладным навесом деревьев, на бархатной мураве, пляшет группа нимф, облеченных в воздушные, коротенькие платьица, наподобие балетных танцовщиц. Является молодой, прекрасный рыцарь с зеленым, стоячим воротником, в треуголке, и спящая узнает в нем – м-р Куницына. Хоровод нимф окружает его и в звучных песнях упрекает его в неверности: «И на мне обещался жениться, и на мне, и на мне!» Рыцарь в смущении клянется, что со всем бы удовольствием женился на любой из них, но как многоженство в благоустроенном государстве нетерпимо, то он, достойный сын богини правосудия, не желает обидеть ни одной из них и лучше

⁵⁴ Это не имеет значения: даме всё лестно. Скажите мадемуазель, пожалуйста (*фр.*)

⁵⁵ Хорошо, м-р, если вы настаиваете (*фр.*)

отрекается от всей честной компании; говоря так, он пытается улизнуть. Девы с криком удерживают его за фалды и увлекают с собою. «К Пифии, к великой жрице! – вопиют они. – Она разрешит сомнение, кому из нас владеть коварным изменником». Над пещерой, из которой валит густой, смрадный дым, восседает на треножнике, в облаках дыма, древняя, поросшая мхом старушонка. Рыцарь грациозно падает ниц. По странное дело! Вглядываясь пристальнее в черты жрицы, спящая узнает в ней – также m-г Куницына. Значит, двое m-rs Куницыных: и судья, и подсудимый. Судья собирается только что изречь роковой приговор над своим двойником, как вдруг Гисбах, Бог весть откуда взявшийся, низвергается с высоты с глухим, ошеломительным ревом и заливаает собою и Пифию, и рыцаря, и обиженных дев. Буря понемногу улегается, из-за туч выплывает ясный месяц и на зеркалом вод начинают порхать чайки. Картина вроде последней в «Корсаре». Вот вынырнула голова, вот другая, третья, десятая. Это души утопших, но преображенные: они в тех же коротеньких, газовых платьях, но лица их – фотографические снимки с облика m-г Куницына: они умерли любя и потому в смерти приняли образ возлюбленного. Апофеоза: весь хор новорожденных m-rs Куницыных выходит на берег и, отряхнувшись от воды, затевает кадрили дивную, достойную первых львиц мабиля. Месяц, принявший на радостях также образ m-г Куницына, спустился на землю и, умильно ухмыляясь, любит из-за кустов трогательной сценой.

– Un songe remarquable⁵⁶... – промолвил недоверчиво правовед, когда Моничка окончила свой рассказ. – Et vous l'avez effectivement vu⁵⁷?

– Eh sans doute⁵⁸! – смеялась в ответ новая Шехеразада. – Кто из вас mesdames и messieurs, разрешит его?

– Наденька разрешит, – сказала Лиза, – она вечно воображает себя героиней какого-нибудь романа и одно время, когда считала себя Татьяной Пушкина, обзавелась даже гадательной книгой, чуть ли не Мартыном Задекой. Поверите ли: восемь раз перечла «Онегина»!

– Совсем не восемь! – возразила обиженная гимназистка.

– А сколько же?

– Семь.

– Да, это, конечно, меньше. Она у меня олицетворенная поэзия, сама даже оседлывает Пегаса, и еще вчера...

– Ну, что это, Лиза? Какая ты болтушка! Никогда тебе больше не буду показывать!

– Вы с Ластовым, значит, одного поля ягодки, – сказал Змеин. – Он тоже вчера еще прочел мне пьеску, в которой есть и «грезы», и «слезы», и «созвучие сердец».

Наденька встрепенулась.

– Ах, Лев Ильич, прочтите ее нам!

– С условием, чтобы и вы прочли свою.

– Ни за что в мире!

– M-lle Nadine, – вмешался Куницын, – оставьте на минуту поэзию и помогите нам разрешить сон вашей кузины.

– Нет, нет, Лиза пошутила. Кто из нас здесь старше? Тот пусть и разрешит.

– Старше всех, кажется, m-г Змеин. За ним, значит, и очередь.

– Разрешить значение сна, – сказал Змеин, – я не берусь, потому что всякие сны – неразрешимая чепуха, но почему именно вы, г-н Куницын, приснились Саломониде Алексеевне, могу объяснить.

– Да это все равно. Объясняйте.

– Вы, Саломонида Алексеевна, вероятно, поужинали вчера довольно плотно?

⁵⁶ Замечательный сон (фр.)

⁵⁷ А вы на самом деле его видели (фр.)

⁵⁸ Ну, вероятно (фр.)

– Не скажу. Чашки две чаю, бутербродов с медом – штуки три, да жаркого и сыру ломтика по три.

– Гм, недурно. По-вашему это мало? На ночь вообще много есть не годится. Мне, однако, помнится, что, после чаю, вы покушали и земляники?

– Ах да, про нее я забыла. Земляники я, в самом деле, съела изрядную порцию. Он, здесь такая сочная, и сливки к ней были такие чудные, густые-прегустые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.